

¹⁸ См.: Rothstein R. L. On the Costs of Realism // Political Science Quarterly. 1972. Vol. 87. Nr 3. P. 347–362 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0032-3195%28197209%2987%3A3%3C347%3AOTCOR%3E2.0.CO%3B2-X>

М. М. Шарафулин

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ПРИЧИНЫ, ТИПОЛОГИЯ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Исторический опыт показывает, что отношения между народами и нациями нередко были напряженными и трагическими. Так, русские земли испытывали на себе удары монгольских кочевников, немецких рыцарей, польских захватчиков. По Средней Азии и Закавказью огненным валом прокатились войска Тамерлана. Открытие Колумбом Америки сопровождалось ограблением и уничтожением индейцев. Племена и народы Африки захватывались колонизаторами. В ходе мировых войн XX века беспощадно уничтожались или подвергались жесточайшему угнетению те или иные нации, народности. Историческая вражда не могла не сказаться на национальном сознании. В нем до сих пор бытуют национальные предубеждения, неприязнь, корни которых уходят в далекое и не очень далекое прошлое.

Сегодня стало очевидным, что прежние варианты решения национальных проблем себя исчерпали, что национальная рознь, национальная вражда, национальное недоверие, как правило, — следствие накапливавшихся годами ошибок и промахов в национальной политике.

Обостренное национальное самосознание, нетерпимость к малейшим нарушениям национального равноправия пронизывают духовную атмосферу нашего времени. Не случайно именно со второй половины XX века национальный вопрос обозначился там, где он, казалось бы, уже решен (Квебек в Канаде, Шотландия и Уэльс в Великобритании, Корсика во Франции и т. д.).

Бурный рост потенциала международной конфликтности в начале 90-х годов застал мир врасплох. Сообщество наций, 45 лет ориентировавшееся на сдерживание ядерных вызовов и достигшее в этом неоспоримых результатов, оказалось плохо подготовленным к адекватному ответу на новую глобальную угрозу.

Забота о национальной безопасности является одной из главных целей деятельности людей, народов, государств. Однако до последнего времени безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»¹. В Большой советской энциклопедии национальная безопасность рассматривалась как международная безопасность, защита от внешних врагов.

ШАРАФУЛИН МАРС МАНСУРОВИЧ — председатель Национально-культурной автономии татар Свердловской области.

© Шарафулин М. М., 2006

На наш взгляд, национальная безопасность охватывает как внешнюю, так и внутреннюю сферу государства, включает не только материальные, но и духовные аспекты. Так, главными факторами разгрома фашистской Германии в 1941–1945 годах явилось максимальное напряжение сил советского народа, его стойкость и сплоченность, вера в идеи.

Национальная безопасность — не просто защищенность личности, общества, государства от угрозы, но и создание условий для укрепления и развития Российской Федерации, ее субъектов, автономных образований, обеспечения благополучия граждан. Национальная безопасность включает в себя различные компоненты: экономическую, экологическую, политическую, социальную структуру общества. В связи с этим она является предметом изучения различных наук. Но главенствующее место в исследовании национальной безопасности, межнациональных конфликтов принадлежит политологии.

Непосредственная причина возникновения межнациональных конфликтов — расхождение и столкновение интересов субъектов межнациональных отношений (национально-государственных образований, наций, народностей, национальных групп). Конфликт возникает при непоследовательном и несвоевременном разрешении таких противоречий. Мощным катализатором развития конфликта является политизация национальных интересов, перекрещивание национального и государственного. Провоцируемый вплетением политических интересов в национальные конфликт достигает высшей стадии обострения, переходит в национальный антагонизм.

Межнациональный конфликт — одна из форм отношений между национальными общностями, характеризующаяся состоянием взаимных претензий, имеющая тенденцию к нарастанию, противостояние вплоть до вооруженных столкновений, открытых войн.

За каждым этническим, национальным конфликтом — трагедия человеческих судеб, драма народов и, что не менее опасно, неизбежность перенесения в память приходящих поколений старых обид, оскорблений, несправедливостей, которые, если они не были сняты или не получили должной правовой оценки, не нашли соответствующего общественного порицания и наказания, могли подталкивать впоследствии на решение даже простых дел несправедливыми действиями. Примеров тому немало, в том числе и в отечественной истории с ее древнейших времен.

Следует отметить, что общепринятого определения межэтнического конфликта в научной литературе не сложилось. Одни авторы считают, что любое противоречие между этносами следует считать конфликтом. Другие специалисты полагают, что межэтнические конфликты — это лишь иллюзия или амальгама, под тонким слоем которой скрыты обычные социальные интересы и притязания — интересы экономических групп, политических сил и криминальных объединений.

Межэтнические конфликты стали распространенным явлением в современном мире. По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира в Осло, две трети всех насильственных конфликтов в середине 90-х годов были межэтническими. В нашей стране распад СССР также сопровож-

дался острыми межнациональными, межэтническими противоречиями и конфликтами.

Для большинства российских этнополитологов характерен функциональный подход к пониманию межэтнических конфликтов. Так, В. А. Тишков определяет межэтнический конфликт как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий»². Другого определения, считает он, дать невозможно, поскольку этнический конфликт в «чистом виде» вычленивать нельзя по причине того, что их в природе просто не существует. Рассмотрению причин возникновения межнациональных конфликтов посвящены работы Р. Г. Абдулатипова, Л. М. Дробижевой, А. Г. Здравомыслова, Н. П. Настасюк, А. Б. Элебаева и др.

До 80-х годов прошлого столетия о межнациональных конфликтах в СССР публично ничего не говорилось. Считалось, что в нашей стране национальный вопрос решен окончательно. И надо признать, что крупных открытых межнациональных конфликтов не было. На бытовом уровне существовали межнациональные антипатии и трения, а также совершались преступления на этой почве. Однако последние никогда отдельно не учитывались и не отслеживались.

Фиктивные федерализация и автономизация страны с четырьмя неравноправными уровнями национально-государственных и национально-административных образований (союзная республика, автономная республика, национальная область, национальный округ) на волюнтаристски нарезанных территориях, где исторически проживали и другие народы, заложили под национальный вопрос в СССР мину замедленного действия. Последующие волевые изменения границ национальных образований и передача огромных территорий (например, Крыма) из одной республики в другую без учета исторических и этнических особенностей, депортация целых народов с родных земель и рассеивание их среди других национальностей, огромные миграционные потоки, связанные с массовым выселением людей по политическим мотивам, с великими стройками, освоением целины и другими процессами, окончательно перемешали народы СССР.

При целостности жестко централизованного и фактически унитарного Советского государства межнациональные отношения не вызвали особой тревоги. С одной стороны, человек любой национальности сознавал себя гражданином всего федерального пространства, с другой — партийные и государственные структуры твердо удерживали народы в рамках интернационализма. Даже отдельные националистические высказывания некоторых руководителей в союзных и автономных республиках беспощадно пресекались.

Ослабление союзных «обручей» в процессе начавшейся перестройки, гласности и суверенизации национально-территориальных образований обнажило многие пороки коммунистического режима, его национальной политики и вызвало дремлющие межнациональные трения. Националистически настроенные и стремящиеся к власти и собственности группы во многих союзных и автономных республиках, в одночасье ставшие национальными героями, бросились объяснять все

народные беды действиями союзных органов и эксплуататорским интернационализмом. И в этом была доля правды. Однако, как при любом массовом психозе, в межнациональных отношениях стали доминировать крайности.

Силой удержать межнациональные конфликты было уже невозможно, а опыта самостоятельного цивилизованного решения без участия сильного центра у народов не было. Не без помощи националистических экстремистов многим из них, мгновенно позабывшим реальную интернациональную помощь, стало казаться, что их скудная жизнь обусловлена тем, что именно они в ущерб себе «кормят» центр и другие народы. Спустя некоторое время многие республики, «наглотавшись суверенитетов» (по выражению Н. Назарбаева), станут постепенно осознавать истинные причины своих бед, в начале же перестройки националистическая эйфория была доминирующей. Распад СССР вызвал обвальные межнациональные конфликты во многих союзных и автономных республиках; территория бывшего СССР стала зоной этнического бедствия.

Конфликтная ситуация в странах, образованных на территории бывшего СССР, обусловлена многими причинами: политическими (централизм и унитаризм власти, репрессирование и завоевание народов), экономическими (экономический кризис, безработица, обнищание), социально-психологическими (межнациональные барьеры в общении, негативные формы национального самоутверждения, открытый национализм, амбиции национальных вождей), территориальными и др. Конфликтная ситуация в большинстве случаев складывается как результирующая составляющая комплекса причин и условий. Конфликт возникает тогда, когда объективно, а нередко и субъективно, тот или иной народ чувствует себя в чем-то ущемленным, обиженным, обойденным, когда решение многих проблем он видит лишь в национальном самоутверждении.

При возникновении межнационального конфликта внутри одного государства, судя по горькому опыту стран, образованных на территории бывшего СССР, есть два варианта поведения официальных властей. Первый: власти, сохраняя равновесие, остаются над конфликтом, пытаются допустимыми силами и средствами потушить возникший конфликт, как это, например, делалось, хотя и не без ошибок, российскими властями в конфликте между северными осетинами и ингушами. Второй: власти сами втягиваются в конфликт, выступая за сохранение территориальной целостности страны или на стороне титульного народа, как это наблюдалось в Азербайджане в конфликте между азербайджанцами и армянами, в Грузии — в конфликте между грузинами и южными осетинами, между грузинами и абхазами, или в Молдове в конфликте молдаван с русскоязычным населением (Молдовы с Приднестровьем). В аналогичные ситуации, в конечном счете, втягивались и российские власти в Чечне.

Кроме политических версий этносоциологи выдвинули модель социально-структурных изменений как основы противоречий, приводящих к конфликтам³. Они считают, что в основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов. Это процессы, без которых метрополия так же не могла развиваться, как и регионы. Они привели к тому, что в престижных видах деятельности нарастала конкуренция между титульными

нациями и русскими. У многих народов к концу 70-х годов не только сформировалась полиструктурная интеллигенция (т. е. помимо административной и занятой в сфере просвещения, как было в основном в 30–60-х годах, появилась еще и научная, художественно-творческая, а у некоторых наций — и производственная интеллигенция), но и сложились новые ценности и представления, в том числе о самодостаточности и необходимости большей самостоятельности. Такие представления и ценности не совпадали с теми, которые были у русского населения республики, приехавшего сюда с установкой помогать и, следовательно, ощущавшего себя по статусу выше местного населения, в роли «старшего брата».

При всей сложности вычленения главных мотивов межнационального конфликта коренным является мировоззрение национал-экстремизма — идеологии и практики национального превосходства (неприятия культуры, традиций, религии, обычаев другого народа). Национал-экстремизм, как правило, спекулирует на объективных противоречиях, трудностях экономического, социального, экологического, духовного характера, «белых пятнах» истории, несовершенстве национально-государственного устройства, правовой защиты чести и достоинства граждан, перегибах в кадровой политике по национальному признаку. Всему этому придается «национальная» окраска, центр тяжести переносится на противопоставление народов, осуществляется проповедь исключительности «своей» нации и возложение на инационального соседа вины.

Искусно подогретые национальные чувства как бы накладываются на реально существующие проблемы, затем включается такой универсальный механизм всякого национал-экстремизма, как политическое хамелеонство и «всеядность»; способность национальных элит вступать в коалицию с самыми полярными идейными течениями и откровенными преступниками, коррумпированными кругами, в том числе из структур официальной власти, «кланами», где каждый защищает свои собственные, чаще всего далеко не национальные интересы. В определенный момент межнационального конфликта национал-экстремизм будет приобретать характер «национального» единства, временного межнационального союза для борьбы с общественной системой, блокирования властных, правительственных решений. Толчком к межнациональному конфликту могут стать как общие, так и совершенно конкретные, «ситуативные» причины, восходящие к особенностям того или иного региона. Противоестественно и разуму, и человеческой природе видеть хотя бы малейший источник межнационального конфликта как заложенный изначально, «генетически» в тот или иной этнос, как его сущность.

Таким образом, понять причины конфликтов исходя из какой-то одной теории нельзя, потому что, во-первых, каждый конфликт имеет свою специфику, во-вторых, казуальные основы их могут меняться в ходе эскалации конфликтов, особенно если они затяжные.

Анализируя этнические конфликты в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья, следует выделить исторические причины возникновения и эскалации конфликтов. К ним относятся несправедливость административно-политической иерархии народов (союзные, автономные республики, автономные облас-

ти, округа), произвольная перекройка границ национальных образований, депортация народов.

Как результат насилия необходимо рассматривать и несбалансированность преобразований общества, когда социальное и экономическое неравенство, конкуренция на рынке труда, земли и жилья перерастают в межэтнические конфликты. Такая природа конфликтов-бунтов конца 1980-х — начала 1990-х годов — ферганских, душанбинских, ошских — и других подобных событий. Чаще всего этническая общность, «подвергшаяся нападению», выступала в роли «козла отпущения».

Переход к демократизации, сопровождавшийся борьбой в обществе старых и новых политических элит, стал детонатором, который в полиэтническом обществе привел к тому, что борьба «приобрела этнополитическую окраску». К обострению этнополитических конфликтов приводили неумелые, непоследовательные шаги по преобразованию государства в реальную федерацию, попытка силой остановить дезинтеграционные тенденции в республиках (тбилисские события 1989 г., бакинские 1990 г., вильнюсские 1991 г.).

Некоторые конфликты являются следствием распада Союза ССР, когда в отделившихся республиках в борьбу «за свою долю политического и территориального наследия» вступили бывшие автономии или желавшие ее получить (Абхазия, Южная Осетия — в Грузии, Гагаузия и Приднестровье — в Молдове, Карабах — в Азербайджане).

Межэтнические конфликты не возникают неожиданно, а вызревают в течение длительного времени. Причины, ведущие к ним, многообразны. Их сочетание в каждом конкретном случае особое. Вместе с тем для возникновения этнического конфликта необходимо, как правило, наличие трех факторов.

Первый фактор связан с уровнем национального самосознания, которое может быть адекватным, заниженным или завышенным. Два последних уровня и способствуют появлению этноцентристских устремлений.

Второй фактор заключается в наличии в обществе «критической» массы социальных проблем, оказывающих давление на все стороны национального бытия.

Третий фактор состоит в наличии политических сил, способных использовать в борьбе за власть два первых фактора.

Важное значение имеет установление типологии межнациональных конфликтов. При этом основанием классификации можно определить следующее разделение конфликтов:

- по сферам проявления (социально-экономические, культурно-языковые, территориально-статусные, сепаратистские);
- по целям (реалистические, нереалистические);
- по объему использования военной силы (мирные, с минимальным использованием военной силы);
- по вертикали (между центром и республиками, межрегиональными и местными органами власти);
- по горизонтали (между группами коренной и некоренной национальности, микроконфликты на личностном уровне).

Одними из первых межэтнические конфликты типологизировали Э. А. Паин и А. А. Попов. Они выделили конфликты стереотипов, т. е. ту стадию конфликта, когда этнические группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». В качестве примера ученые приводили армяно-азербайджанские отношения. Действительно, социологические и полевые этнографические исследования задолго до конфликта фиксировали взаимные негативные стереотипы армян и азербайджанцев.

Другой тип конфликта Э. А. Паин и А. А. Попов назвали конфликтом идей. Характерными чертами таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных притязаний. В литературе, средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность (Эстония, Литва, Грузия, Татарстан, другие республики СССР), на территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия).

Третий тип конфликта — конфликт действий. К этому типу относятся митинги, демонстрации, пикеты, вплоть до открытых столкновений.

Межнациональные конфликты свидетельствуют о том, что социальная напряженность достигла определенного критического предела, а существующие политико-правовые институты не способны разрешить объективные противоречия.

Примером, по мнению Э. Паина, могут служить три типа межнациональных конфликтов, которые он условно называет конфликтами «крымского», «карабахского» и «прибалтийского» типа⁴.

Исходя из многообразия и многоаспектности межнациональных проблем, западные эксперты предлагают взять за главный критерий классификации этнических конфликтов уровень насилия.

Э. Паин предлагает внутренние этнотерриториальные конфликты ранжировать по степени вызова⁵:

1) конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет (к таковому на территории Российской Федерации относится только чеченский конфликт);

2) конфликты, развившиеся как следствие провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий или одностороннего повышения ими статуса существующих, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (подобные акции оказывались нередко лишь прелюдией к требованиям полного суверенитета, поэтому власти обычно стремятся воспрепятствовать и акциям этого типа); на такой основе развиваются конфликты между балкарским национальным движением и прокабардинскими властями Кабардино-Балкарской Республики, между лидерами различных этнических общин Карачаево-Черкессии и ее властями⁶.

3) конфликты между соседними этническими группами или республиками, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями (речь идет прежде всего о конфликтах между многочисленными этническими общнос-

тиями Дагестана, а также споре между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района).

Исходя из оценки событий конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века, можно выделить следующие типы межэтнических конфликтов.

К первому типу относятся конфликты психологических стереотипов. Этого рода конфликты характеризуются значительным элементом стихийности и неуправляемости движений. Поводом для возникновения каждого очередного конфликта обычно служат слухи или неверные истолкования реальных событий. При этом действия скрытых провокаторов конфликтов обычно остаются в тени. Например, «события» в Сумгаите (1988), Фергане (1989), Новом Узене (1989) и др.

Второй тип — межэтнические конфликты идеологических концепций (или доктрин). Он содержит в себе некоторую идеологическую (теоретическую, концептуальную) конструкцию, которая может включать в себя различного рода претензии и их оправдания, высказываемые от имени «народа», «нации» (идея исторического обоснования ценности нации; оправдательная доктрина относительно «своей нации» и преимущественно осуждающая другую). Эти и подобные построения не имеют ничего общего с научными теориями. Третий тип связан со столкновением политических институтов (организаций). Политические институты (партии, политические движения, органы государственной власти, вооруженные формирования и т. п.), национальные по составу своих участников, а также по принятой фактически или даже официально идеологии, выступают в межэтнических конфликтах в качестве социальных структур, обладающих властью, влиянием и силой.

Вступление в межэтнический конфликт политических институтов знаменует собою внешнюю сторону его развития и, кроме того, создает предпосылки для начала его ослабления и прекращения путем выработки компромиссов с помощью переговоров.

Четвертый тип заключается в избрании стратегической цели этносоциального движения (автономистские, сепаратистские, этноэгалитаристские, антииммигрантские, по поводу определенных сторон культуры, религии, языка и др.).

Мировой опыт, в том числе наша практика, показывает, что межэтнические конфликты могут быть решены только мирным путем.

Так, в России Татарстан продемонстрировал мирный вариант решения сложного конституционного конфликта. Как известно, Конституция, принятая в республике в 1992 году, зафиксировала ее независимость и ассоциированное членство в Федерации. Федеративный договор республика тогда не подписала.

В феврале 1994 года после серии переговоров договор между государственными органами Российской Федерации и Республики Татарстан был подписан, благодаря чему основные противоречия были урегулированы. С тех пор развитие отношений на основе подписанного договора стало называться «Моделью Татарстана».

Элементы институционального конфликта имели место и в Башкортостане. Эта республика подписала федеративный договор, но на определенных условиях.

Конфликтность была снята после подписания договора о разделении полномочий с федеральным центром.

Конституционные конфликты были еще в двух республиках — Саха (Якутии) и Туве. В них в начале 90-х годов прошлого века активно действовали национальные объединения, особенно якутские, желавшие получить больше самостоятельности в рамках Федерации.

Методом ослабления конфликта является деконсолидация сил, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь (например, путем дискредитации в глазах общественности) наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, склонные к компромиссам, переговорам.

Как правило, наиболее эффективен прерыв конфликта. Данный способ ослабления конфликта позволяет расширить действие прагматических подходов к его регулированию. В результате этого меняется эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей.

Особые правила существуют и в переговорном процессе. Для того чтобы добиться успеха, необходима прагматизация переговоров, которая состоит в разделении глобальной цели на ряд последовательных задач. Обычно стороны бывают готовы заключить договоренности по жизненно важным потребностям, по поводу которых и устанавливается перемирие: для захоронения погибших, обмена пленными. Затем переходят к наиболее актуальным экономическим, социальным вопросам. Политические вопросы, особенно имеющие символическое значение, откладываются и решают в последнюю очередь. Если ясно, что в данный момент решить их невозможно, то используют тактику так называемых отложенных решений. Подобный прием принес успех и в Приднестровье, и в Южной Осетии. Бывают случаи, когда переводу конфликта в стадию переговоров мешает позиция лидеров. Переговоры должны вестись таким образом, чтобы каждая сторона стремилась найти удовлетворительные ходы не только для себя, но и для партнера. Как говорят конфликтологи, надо сменить модель «выигрыш — проигрыш» на модель «выигрыш — выигрыш». Каждый шаг в переговорном процессе следует закреплять документально.

Полезным считается участие в переговорах посредников и медиаторов. В особо сложных ситуациях легитимацию договоренностям придает участие представителей международных организаций. Урегулирование конфликтов — это всегда сложный процесс, граничащий с искусством. Намного важнее не допускать развития событий, приводящих к конфликтам. Сумма усилий в этом направлении определяется как предупреждение конфликтов. В процессе их регулирования этносоциологи и политологи выступают экспертами для выявления и проверки гипотез о причинах конфликта, для оценки «движущих сил», массовости участия групп при том или другом варианте развития событий, для оценки последствий принимаемых решений.

Изучение межнациональных конфликтов в различных странах мира, включая Россию, позволяет предложить такую систему их урегулирования, которая предполагает сочетание институционального и инструментального подходов⁷.

Институциональный подход подразумевает создание сети организаций, особой инфраструктуры предотвращения и урегулирования внутренних конфликтов. Она должна включать институты национального, регионального и глобального уровней.

Инструментальный подход состоит в сочетании конкретных мер, инструментов регулирующего воздействия на межэтнический конфликт. Среди них выделяют тактические, оперативные и стратегические решения.

Тактические решения направлены на регулирование конфликтов путем силового, в том числе и экономического, давления на его участников или посредством налаживания переговорного процесса.

Оперативные решения связаны с разовыми действиями, направленными на ограничение разрастания конфликтов (разоружение «боевиков», разъединение воюющих сторон, усиление охраны жизненно важных объектов) или на устранение последствий конфликтов (обустройство беженцев, восстановление коммуникаций, наказание организаторов погромов и т. п.).

Стратегические решения ориентированы на предупреждение кризисов в межнациональных отношениях на основе заблаговременного создания правовых, политических, экономических и социально-психологических уровней безболезненного решения проблем.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978. Т. 1. С. 87.

² Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 480.

³ См., в частности: Дробижева Л. М. Русские в новых государствах. Изменение социальных ролей // Россия сегодня: трудные поиски свободы. М., 1993.

⁴ См.: Дружба народов. 1989. № 11; МЭИМО. 1991. № 4; Паин Э. Чечня и другие конфликты в России // Междунар. жизнь. 1998. № 3. С. 91–92.

⁵ См.: Паин Э. Чечня и другие конфликты в России. С. 91–92.

⁶ См.: Государственные акты Карачаевской республики. Карачаевск, 1990; Обращение к жителям Карачаево-Черкесска // День республики. 1992. 11 марта; Аверин И. Казаки — этнос или сословие? // Независимая газ. 1992. № 93.

⁷ См.: Шевцов В. М. Межнациональные конфликты: механизм их разрешения. М., 1994. С. 44.